

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1928

смотрению он этот взгляд, однако, не подвергает, указывая на отсутствие аналогичных примеров в истории языка (стр. 22, примеч.).

Такое расхождение исследователей показывает, что считать окончательным решением предлагаемый М. Гусном вывод нельзя. Та страстность, с которой арабская общественность рассматривает вопрос об отношении литературного языка к разговорному, показывает, что до мирного и спокойного решения, которое было бы признано более или менее единогласным, еще очень далеко. В полемике по поводу теории, выдвинутой М. Гусном, приняли участие с противной стороны такие видные деятели научно-преподавательской работы в Сирии, как L. Cheikho и A. Salhani.¹ В выступлениях оппонентов было внесено не менее эмоционального элемента, чем в произведения самого М. Гусна. Вероятно и здесь вопрос будет окончательно решен не теоретическими построениями и полемикой, а самой жизнью, но вряд ли этого решения дождется даже следующее за нами поколение.

Евпатория, 25 июля 1927 г.

И. Крачковский.

39. Fehim Bajraktarević. La Lāmiyya d'Abū Kabīr al-Hudālī publiée avec le commentaire d'as-Sukkari, traduite et annotée par. — Paris 1923 (Extrait du Journal Asiatique, Juillet-Septembre 1923, pp. 59—115).

Научное востоковедение создало после войны некоторые новые центры в славянских странах. До двадцатых годов настоящего столетия самостоятельное и общепризнанное значение имела только русская школа; существующая довольно давно боснийская была мало известна и направляла свое внимание преимущественно на туркологию.² Польские и чешские ориенталисты были рассеяны по различным странам, часто за пределами своего отечества, и не представляли организованного единства; в Болгарии и Сербии востоковедение только изредка привлекало к себе внимание и не имело полномочных представителей. Понятно, что с переменой политических условий, в лучшем положении, чем до войны, оказались Польша и Чехо-Словакия. Орган польского востоковедения *Rocznik Orientalistyczny*, заложенный в самые трудные годы войны,³ насчитывает уже три тома; по недавно вышедшему третьему можно судить, насколько солидные силы ориенталистики сконцентрированы теперь в Польше. Создание польского востоковедного общества, ряд изданий Восточной Коммиссии Краковской

¹ Ср. *ал-Маширик* XXIII, 1925, 131—143 и 161—176.

² Ср. ЗКВ, II, 1926, 97—108.

³ Первый том вышел двумя выпусками в 1914—1918 году.

Академии Наук, увеличение востоковедных кафедр в Университетах говорит о том же.¹ Чешское востоковедение группируется главным образом в Пражском Университете и Чешской Академии Наук, где и до войны существовали востоковедные кафедры. Теперь они значительно расширены и обслуживаются ббльшим числом представителей. Возникает мысль о создании специального Института востоковедения. Сосредоточение в Праге таких крупных, достаточно известных и до войны специалистов, как путешественник-арабист А. Musil, семитолог R. Růžička, появление новых сил, как турколог J. Вурка, с определенностью говорит, что чешское востоковедение может смело смотреть в будущее.

Не столь благоприятны перспективы в других славянских странах. Болгария после смерти Ив. Димитрова не имеет ему заместителя; Ал. Шишманов, начавший описание арабских рукописей Софийской библиотеки,² событиями последнего десятилетия был оторван от научных занятий. С тем большим удовлетворением можно отметить, что Юго-Славия, которая до сих пор, как и Болгария, не принимала непосредственного участия (если не считать боснийской школы) в развитии востоковедения, выдвигает за последние годы серьезно подготовленную молодую силу в лице д-ра Ф. Байрактаревича. Может показаться странным, что такие области, как Сербия, несколько сот лет находившаяся под турецким владычеством и насчитывающая среди своих жителей и теперь много мусульман, не создала самостоятельного востоковедения, но тем не менее Байрактаревич является здесь едва ли не первым ориенталистом с европейской подготовкой.

Кроме французской диссертации, вызвавшей настоящую заметку, Байрактаревичу принадлежит ряд библиографических статей, переводов и историко-литературных этюдов на сербском языке в различных периодических изданиях. В этих работах он обращается преимущественно к широкой среде своих соотечественников, ставя главным образом популяризаторские цели. Оставаясь в сфере трех мусульманских литератур, одинаково привлекающих его внимание, он ведет работу по разным направлениям. С одной стороны, в ряде рецензий он знакомит с новинками европейского востоковедения, могущими представить интерес для балканских стран;³

---

¹ См. Kronika в Rocznik Orientalistyczny, III (1925), 1927, стр. 333—338.

² ЗВО, XXIII, 1915, стр. 61—76.

³ Ему принадлежат рефераты работ Oestrup'a (Gajret, god. IV, br. 8), Süssheim'a (ibid. br. 23 и 24), Krälitz'a (Српски Књижевни Гласник 16 XI 1924), Klinghardt'a (ibid. 15 VIII 1926), Basset (Прилози за књижевност и т. д. 1915, год V), Jacob'a (ibid.), рецензия на Enzyklopaedie des Islam (Gajret, god. IV, br. 8) и др.

следует заметить, что и русская литература не остается забытой.¹ С другой стороны, переводами с восточных языков он впервые вводит в сербскую литературу новую струю, идущую непосредственно из источника. С арабского им переведен ряд прозаических отрывков из *Китāб ал-агāни* и других сборников,² ряд стихотворений Шанфары,³ Имруулҗайса,⁴ ал-А'ши;⁵ благодаря его переводам с персидского, сербы могли познакомиться непосредственно с Хайймом,⁶ Са'ди,⁷ Хафизом.⁸ Особенно серьезным предприятием в этом направлении является работа над Фирдауси; им подготовлен перевод всего эпизода про Рустема и Сохраба (2920 стихов), сатиры на султана Махмуда (186 стихов) и обстоятельная работа о Фирдауси и Шах наме, как введение к упомянутым переводам. Издание всех трех трудов в одной книге предложено Српской Књижевной Задругой. Третью серию сербских работ Ф. Байрактаревича составляют историко-литературные этюды, посвященные отражениям или влияниям востока в славянских или вообще европейских литературах. Уже в своих рецензиях он часто с большей подробностью останавливается на тех работах, которые могут представить интерес с этой точки зрения.⁹ Отдельные вопросы иногда освещаются им в самостоятельных статьях. Сюда можно отнести заметку о слове Бурāк в сербской поэзии,¹⁰ недавний эскиз о Фитиджеральде и Омаре Хайяме¹¹ и большую печатаемую теперь работу об одной сербской поэме, посвященной рождению Мухаммеда, так называемому (в арабских странах) маулиду или (в турецких) мевлюду.¹²

Если не считать нескольких рецензий на немецком языке,¹³ то издание

¹ Интересно попутно указать, что одной из его первых работ (*Gajret, god. IV, br. 5, 6, 7*) был перевод брошюры О. С. Лебедевой, *Об эмансипации мусульманской женщины* (русское издание С.-Петербург, 1900). Он внимательно следит за украинскими изданиями А. Е. Крымского (*Прилози 1926, год VI, св. 1*) и своевременно отметил важное для Европы значение журнала «Восток» (С. К. Гласник, I III 1924).

² *Gajret, god. IV, br. 7, god. VI, br. 6 i 7; Budúcnost (Sarajevo) 15 X 1919* (Перепечатано в белградском Илюстровани Лист за 1921 г.).

³ Его известная *Лāмиййат ал-'араб*, ст. 1—21 (С. К. Гласник, 16 IV 1922).

⁴ Шесть стихотворений (*Gajret, god. VI, br. 8 i 9*).

⁵ С. К. Гласник, 1 XII 1922, стр. 503 и 557—558.

⁶ Десять руба'и (С. К. Гласник 16 VI 1923).

⁷ *Ibid.*, 1 VII 1926.

⁸ *Gajret, god. VI, br. 8 i 9*.

⁹ См. напр., ряд основательных соображений по поводу работ Яacob'a, *Der Einfluss des Morgenlandes auf das Abendland* (*Прилози 1926, год VI, св. 1*), *Littmann'a, Morgenländische Wörter im Deutschen* (*ibid.*, св. 2), *Giese, Türkische Märchen* (*ibid.*) и др.

¹⁰ *Прилози 1926, год VI, св. 2*.

¹¹ Страни Преглед, 1927, год I, стр. 101—114.

¹² Работа печатается в *Bulletin de la Société Scientifique de Skoplje* за 1926 г., tome II.

¹³ На работу *Ben Cheneb, Diwān de 'Alqama ben 'Abada* (*Orientalistische Literatur-Zeitung, 1926, 668—669*), А. Крымского, *История Туреччины* (*Mitteilungen zur osmanischen Geschichte, 1926, Band II, S. 335—337*) и др.

.Лампийи Абӯ Кабїра впервые вводит Ф. Байрактаревича в среду европейского востоковедения. Естественно, что здесь требования могут быть предъявлены уже более строгие, чем к большинству сербских работ популярного характера. Этот экзамен им выдержан с честью.

После предварительных занятий на родине, Байрактаревич имел возможность работать последовательно под руководством двух выдающихся представителей немецкой и французской школы арабистики: едва ли не крупнейшего современного знатока арабской поэзии — венского ученого R. Geyer'a и виднейшего французского арабиста R. Basset, у которого он занимался в Алжире. Из лаборатории последнего и вышла настоящая французская работа, которая дает в критическом издании с переводом и примечаниями один из интереснейших памятников древне-арабской поэзии.

Имя Абу Кабїра хузейлита — поэта эпохи зарождения ислама нельзя считать неизвестным европейской науке, главным образом благодаря его связи с диваном хузейлитов, который привлекает неослабное внимание ученых с первого издания Kosegarten'a в половине прошлого века. Однако, самые произведения его остаются неопубликованными критически, так как сохранились только в той части дивана, которая открыта Hell'em в б. хедивской библиотеке. В настоящее время Байрактаревич ограничивается обработкой первой, наиболее крупной и популярной пьесы.

Диссертация и в плане, и в выполнении носит ясный отпечаток тех образцовых в методическом отношении трудов, к которым нас приучили аналогичные работы Geyer'a (в особенности: *Zwei Gedichte von al-A'sā*) и его школы (Geiger — муаллака Тарафы, Gandz — муаллака Имрууль-қайса, Kowalski — диван Қайса ибн ал-Хатїма и др.). Вслед за введением, сообщающим необходимые сведения о литературе и источниках для ознакомления с поэтом (стр. 59—64), дается текст произведения с арабским комментарием ас-Суккарї (стр. 64—74) и перевод с детальным комментарием по отдельным стихам (стр. 75—109). Список привлеченных источников (стр. 110—115) говорит о начитанности автора¹ и полном владении всем аппаратом в разрабатываемой им области. Привлеченные им параллели и детали в толковании будут полезны не только для понимания данного произведения Абӯ Кабїра, но и вообще для разъяснения целого ряда пунктов в старой поэзии.

Конечно, в такой аналитически детальной работе можно было бы найти отдельные черточки, которые вызывают известные замечания, допол-

---

¹ Не забыта среди источников и Арабская хрестоматия В. Гиргаса и барона В. Р. Розена.

нения или поправки. В обзоре литературы о диване хузайлитов (стр. 59—60) можно было бы достичь несколько большей полноты.¹ Отдельные выражения в переводе иногда напрашиваются на известное уточнение.² Можно отметить несколько неточных огласовок (быть может, характера простых опечаток);³ текст арабского комментария, как указывает и сам издатель, не всегда удовлетворителен и не мог быть установлен с уверенностью. Эти мелочи только с большей яркостью подчеркивают, насколько вдумчиво и основательно исполнена вся работа. Ни метод, ни полнота привлечения материала не вызывают никаких замечаний.⁴

Молодому ученому у себя на родине предстоит трудная задача пионера; ему надо создать отсутствовавшую до сих пор востоковедную среду и школу. Судя по его первым шагам, он идет верным путем к намеченной цели. Надо надеяться, что ему будут предоставлены для этого на месте возможности и необходимая поддержка, которую он заслужил своей неослабной работой в трудных условиях последнего десятилетия. Французская монография Ф. Байрактаревича показывает, что европейская наука в праве ожидать от него не только работы в местном масштабе, но и вкладов в арабистику вообще. Следует пожелать, чтобы намеченное им издание остальной части дивана Абү Кабира с его фрагментами возможно скорее увидело свет. Для истории древне-арабской поэзии это откроет новую, хорошо освещенную страницу.

И. Крачковский.

Ленинград, 22 Августа 1927 г.

40. Prosper Ricard. Corpus des tapis marocains. I. Tapis de Rabat. Стр. XIV + 31 + LXIV табл. Изд. Paul Geuthner. Paris, 1923. II. Tapis du Moyen Atlas. Стр. I + 74 + 64 рис. в тексте + LXIV табл. Изд. Paul Geuthner. Paris, 1926.

¹ В связи с переводом R. Abicht'a можно отметить очень резкий отзыв о нем J. Wellhausen'a в DLZ за 1886 г., стр. 1372—1373. Со статьей Hell'я о кайрской рукописи связана заметка Rhodokanakis'a о венской ее копии в ZDMG LXIV, 813. Не упомянуты им работы J. Barth, Zur Kritik des Diwāns der Hudailiten (ZA, XXVI, 1912, 277—286) и J. Wellhausen'a, Carmina Hudsailitarum, ed. Kosegarten № 56 und 75 (ibid. 287—294). Новейшими работами по хузейлитам, вышедшими уже после диссертации Ф. Байрактаревича, являются J. Hell, Der Diwan des Abū Du'aib. Hannover 1926 (ср. рецензии G. Jacob'a в OLZ XXX, 1927, 282—285 и Н. Н. Bräu, WZKM XXXIV, 1927, 128—130) и Die Gedichte des Hudailiten Mulaih b. al-Nakam. Übersetzt von Н. Н. Bräu (ZS V, 1927, 69—94, еще не окончено).

² Стр. 75, стих 1. Вместо передачи شيبة через vieillisse я предпочел бы видеть обычную седину.

³ Стр. 70, прим. к ст. 28 чит. Ibn az-Zib'arā вм. Ibn az-Zib'arī.

⁴ Очень похвальный отзыв вызвала работа ученика и со стороны R. Geyer'a (WZKM XXXIV, 1927, 125—126).